

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СЕГОДНЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Говоря о современной народной культуре, поневоле переходишь на вопросительные интонации: а существует ли она сегодня? если существует, то какая она? и что такое сегодня народ – единая нация или просто рассыпанное по территории население? На подобные вопросы не всегда и не так скоро находятся успокаивающие ответы.

По общему признанию, «мы сейчас переживаем смутное время», когда потеряны смыслонесущие мировоззренческие ориентиры, когда обостряется отчаяние от все увеличивающегося экзистенциального вакуума, когда тоска по Правде заполняет человеческую душу» (25, 195). Причины этого кризиса глубоки и неоднозначны, назовем лишь главные, на которые указывают многие публицисты и писатели: усталость народа от войн и социальных катаклизмов XX века, крушение одних идеалов и навязывание других, противоречащих традиционным эстетическим и нравственным ценностям народа. К тому же в результате гонений и запретов, многолетнего «организованного упрощения культуры» произошли кардинальные изменения в самой ее структуре: развенчаны и умерли многие обряды и обычаи, жанры фольклора, архаизировались формы одежды и предметы быта, прикладное искусство, пришел всемогущий упрости́тель всего и вся – стандарт.

В широком смысле культура – «это все, созданное рукой и духом человека», однако «только хорошо сделанное дело можно назвать культурой» (4,36). То есть, созданное в творческом порыве, во вдохновении, с готовностью всячески соответствовать своим образом

жизни воплощенным ценностям. Золотой век русской литературы, во многом образовавший наш духовный состав и наши нравственные идеалы, взошел на плечах русской народной культуры. Каждый из нас помнит пушкинское «что за прелесть эти сказки!», гоголевские восторги русским словом – удалым и метким, горьковские гимны фольклору. Не случайно именно в пору расцвета русской классики интенсивно собирается, изучается и издается русская народная классика: пословицы и поговорки, песни, былины, сказки. Высшим проявлением этого процесса можно назвать «Пословицы русского народа» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.Даля, «Русские народные сказки» и «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н.Афанасьева, нашего выдающегося земляка.

Можем ли мы говорить о каком-то духовном, творческом порыве народа сегодня? Отовсюду слышатся буквально отходные, панихидные песни не только литературе (в особенности поэзии), не только фольклору, но и самому русскому народу: дескать, исчерпал он себя, выдохся и должен вообще сойти с исторической сцены. «Погиб ли русский народ?», «Исчерпала ли Россия свою миссию?» и т.п. вопросы часто и кричаще залетают на газетные и журнальные страницы (да и на книжные тоже). Конечно, они не остаются без утешительных ответов, но само их появление говорит о предельной фазе духовного кризиса, который не достигал нас даже в годы военных поражений. «Сегодня родина в беде, – пишет известный философ А.Гульга... – Народ бедствует, страна расчленена и подавлена иноземцами и мнимыми русскими.<...> Живем. Как в условиях оккупации. Чего фашисты не добились силой оружия, навязано нам силой денег и антинациональной политикой. Люди озлоблены и развращены» (4, 439-440). Впрочем, сто пятьдесят лет

назад великий «печальник горя народного» Некрасов задавал те же вопросы.

Сердечный! Где народ, там и стон... Эх,

Что же значит твой стон
бесконечный?

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?.. (10-а; I,

304).

Но тогда эта пророческая тревога была, наверно, преувеличенной: многим казалось, что достаточно освободить народ от крепостных цепей, и он явит миру золотые запасы души и всю свою творческую энергию. Ныне цепи иные, часто невидимые, но сбросить их ещё труднее. Где же выход? Спасение видится только в национальном единении и вере, в осознании себя народом, нацией, достойной других.

Какие-то намеки на оптимизм можно расслышать в трактовке самого типа русской культуры – парадоксальной, противоречивой, взрывчатой. А. Андреев и А. Селиванов определяют ее как «дионисическую»: «Культура, устроенная дионисически, на пульсирующем духе, имеет прерывистый характер. Это культура постоянного возникновения, вечного рождения и гибели, развивающаяся как последовательность вспышек творения, нового рождения, по типу постоянного воскрешения» (1, 206). В такой культуре, по природе своей эсхатологической, «эпохи духовного подъема, творческого взлета сменяются периодами апатии, усталости, которые могут быть длительными и мучительными, но вновь и вновь сменяются подъемами, взрывами» (1, 207). Мы

сейчас в нижней точке этой амплитуды, где утвердилось не «царство духа», а «царство кесаря» – суета обустройства земной жизни, потеря смысла существования, утрата общей идеи, угасание творческих импульсов. «Действительная история всей русской культуры, – подтверждает М.Маслин, – в основном история потерь и последующих попыток вернуть утерянное» (17,4). Однако равноценны ли взлеты провалам? Все ли утраченное удастся вернуть или хотя бы сохранить в памяти? Об этом может сказать только очередной взлет, на который надлежит надеяться.

Исходя из динамики мирового художественного развития, а также из «дионисической» природы русской культуры (да и вся мировая культура вряд ли развивается непрерывно вверх), можно говорить о культуре восходящей и нисходящей. Первая зарекомендовала себя как общепризнанная традиционная народная культура, вторая – как культура промежуточная, ситуативная, массовая, вызывающая довольно противоречивые оценки. Традиционная культура складывалась как эстетическое, этическое и речевое самовыражение народа, как духовное и художественное самообслуживание трудящихся. На этапе всеобщей грамотности, развернутой сети учреждений культуры, информационного насыщения эти функции народной культуры отпали, она стала расслаиваться и дробиться, обретая преимущественно демонстрационный, сувенирно-выставочный характер, будто в музее. Видные фольклористы признают, что у фольклора осталась одна действенная функция – эстетическая.

Традиционная народная культура формировалась на базе высоких нравственных ценностей и представлений о добре и социальной справедливости, ее воодушевляющим заповедом всегда был народный идеал, реализующий в себе

все мечтания и ожидания. «Культура, – полагает Г.Федотов, – имеет отношение не к счастью человека, а к его достоинству или призванию. Не в удовлетворении потребностей, а в творчестве, в познании, в служении высшему творится культура» (17, 403). Массовая культура профанирует высокие ценности и представления, нейтрализует их пародийной игрой и чрезмерными преувеличениями, отдающими пошлостью. И толпа не восстает, ибо уже успела отречься от этих ценностей ради выгод и удовольствий. Именно в кризисную эпоху (первая мировая война и революция) «с необычайной мощью заявили о себе низшие, элементарные стихи культуры» (17, 403), даже самые утонченные умы «возжаждали грубости и простоты». С утратой веры в Бога и его наместника на земле – царя начинается неотвратимое обмирщение и рационализация народного сознания, оно все более зависит от злобы дня вопреки глубинной связи с вечностью, с космосом. С горечью наблюдает издалека это «усыхание» человека Г.Федотов: «Могучий процесс рационализации убивает безжалостно все подсознательно-стихийное, засыпает все глубокие колодцы, делает русского человека поверхностным и прозрачным» (17, 395). Нынешнее массовое отрезвление от былых легенд и утопий, доходящее порой до цинизма, беспринципности и продажности, отпугивает всякие поэтические воззрения на природу и общество, всякие творческие бескорыстные порывы, а без этого невозможна культура в прежнем ее значении. Способен ли усталый, сбитый с толку, духовно обезоруженный человек противостоять ширпотребу и пошлости, всему низкопробному и ложнокрасивому, всему, что несет в себе массовая культура? Хотя она, быть может, остается последним прибежищем ото всего отпавшего постсоветского индивида.

Промышленность, конвейерное производство вещей и предметов быта поглотили сегодня ремесла, прикладное искусство, те виды труда, которые были питательной базой народной культуры, ее стимулом и реализацией, а СМИ буквально заглушили народную речь слэнгом и штампами. Жизнь четко разделилась на производство и досуг, труд и развлечение; ранее это было не столь заметно, одно переходило в другое: человек дело делал и песню пел, что-то мастерил и одновременно красоту творил. Более того, произошло невиданное обесценивание самого труда, утрачена любовь к нему – все сместилось в сторону праздности и ловли удовольствий. Ушло любование сделанным, самим процессом работы (вспомним косаря Кольцова или булочника Горького). Надо всем, что выходит за пределы усредненного, нередко смеются, ненавидят отличников и мастеров своего дела, хотя и втайне завидуют им.

Школа, печать, книга, телевидение, компьютер – вот откуда, а не из живых человеческих уст получает теперь информацию каждый. Но записанное (на пленке ли, на бумаге или на диске) – не мое, а чье-то, ни принимать его к сердцу, ни запоминать, ни передавать кому-то по эстафете не обязательно. А тем более следовать ему как мудрому совету и жизненному уроку. Иначе было, когда изустно исполняемое воспринималось слушателями как истинное и неоспоримое, а многочисленные табу внушали, что нарушение заветов и правил грозит бедой и наказанием. Не пережитое лично, не задевшее всех струн души быстро формализуется и вылетает из памяти, количество не переходит в качество, то есть не прибавляет культурных накоплений.

Распад коллектива, кризис роевого, соборного начала, выход на сцену из кельи анонимности, преодоление властных заповедей, традиции – все это означало

завершение этапа культурного самообслуживания народа и приход на смену ему культуры классической и массовой. Последняя зиждется прежде всего не на создании художественных ценностей, а на их адаптации и исполнении, пытаясь присвоить себе то, что ей не принадлежит. Массовая культура постоянно переходит за черту дозволенного, игнорирует должное, завещанное традицией и игриво разрушает высокий и серьезный настрой народной культуры. Наблюдается резкая переакцентировка с духовных ценностей на телесно-материальные (порой даже грубо животные), культура сужается до внешних проявлений